

изводственная документация возникает «в процессе практической деятельности государственных органов власти, учреждений или общественных организации» [1, с. 14]. Ее использование важно для анализа «внутреннего участия» министерств и ведомств в государственном миротворчестве. Использование документов делопроизводства поможет и при исследовании деятельности общественных антивоенных организаций начала XX в. Из опубликованных делопроизводственных документов отметим серию публикаций в журнале «Красный архив». Часть информации по законодательным актам и особенно по делопроизводственной документации второй половины XIX – начала XX вв. можно получить при изучении личных и ведомственных фондов в ГАРФ, РГИА, а также Архиве внешней политики Российской империи – АВПРИ (фонды Г. С. Саркисова, Н. П. Игнатьева, В. Н. Ламсдорфа и пр.).

Наконец, к числу востребованных источников по истории российской антивоенной мысли второй половины XIX – начала XX вв. отнесем документы личного происхождения – мемуарные и эпистолярные источники (воспоминания, дневники, письма). Их использование поможет конкретизировать и уточнить информацию по истории российской антивоенной мысли второй половины XIX – начала XX вв. К наиболее важным документам личного характера относятся воспоминания П. Н. Милюкова, М. М. Ковалевского, С. Ю. Витте, дневники В. Н. Ламсдорфа, А. Н. Куропаткина, М. М. Мартенса и пр.

Кроме письменных источников, возможно также использование фото и кинодокументов (последние актуальны для начала XX в.). Однако их роль сравнительно невелика и призвана дополнительно визуализировать информацию по отдельным сюжетам истории отечественного миротворчества.

В качестве итога подчеркнем обилие источников по истории российской антивоенной мысли второй половины XIX – начала XX вв., а также их видовое и содержательное многообразие. Очевидно, что львиная часть данных документов – это письменные источники, среди которых, в свою очередь, преобладает весьма разнообразная по содержанию и форме публицистика.

1. Георгиева, Н. Г. Классификация и полифункциональность исторических источников / Н. Г. Георгиева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. – 2016. – № 1. – С. 7–19.
2. Источниковедение. Теория. История. Метод. Источники российской истории : учеб. пособие / И. Н. Данилевский [и др.]. – М. : РГУ, 1998. – 702 с.
3. Плавская, Е. В. Публицистика как вид исторических источников: проблема определения / Е. В. Плавская // Вестник РГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. – 2008. – № 4. – С. 81–93.
4. Усманова, Д. М., Гильмутдинов, Н. В. Юридическая периодическая печать в дореволюционной России (вторая половина XIX – начало XX вв.) / Д. М. Усманова, Н. В. Гильмутдинов // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. – 2009. – Т. 151, кн. 5, ч. 2. – С. 184–190.

Павлов А.Ю.
ДОКЛАДЫ Ж.Г. ЛАНГЛУА КАК ИСТОЧНИК
ПО ИСТОРИИ ФРАНКО-РОССИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ¹

Среди множества сохранившихся в архиве Министерства армий Франции в Венсенском замке документов, касающихся отношений с Россией в период Первой мировой войны, есть особая группа – восемь докладов о ситуации в России, составленных в 1915–1917 гг. французским офицером майором (с 1916 г. – подполковник) Жаком Ланглуа. Каждый из докладов был подготовлен им по результатам поездки в Россию, которые он регулярно совершал в эти годы. Поскольку Ланглуа был направлен в Россию Военным министерством, поначалу его доклады содержали лишь сведения военного характера, но постепенно тематика расширялась, в них включались сведения о положении в экономике России, о состоянии общества и внутривнутриполитических процессах, а иногда также и об отношениях с другими странами.

Необходимость регулярно получать актуальную и достоверную информацию о положении дел в России была осознана французским правительством уже в конце 1914 г. Война, которой еще недавно предрекали быстрое завершение, очевидно затягивалась, перспективы ее дальнейшего хода становились все более неясными. При этом события первых месяцев продемонстрировали тесную взаимосвязь Западного и Восточного фронтов. Для успешного стратегического планирования французскому правительству и Верховному командованию требовалось знать, на что способен и к чему готовится важнейший союзник Франции – Российская Империя. Расширение тематики докладов Ланглуа не было случайным. Тотальная война требовала мобилизации всего общества, всех его ресурсов, как материальных, так и нематериальных. Настроения в обществе, моральное состояние войск, эффективность управления страной стали значимыми элементами национальной мощи, важнейшими факторами успехов и неудач в ведении войны. В Париже хотели знать обо всем как можно

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00617 «Роль России в экономической борьбе Антанты против Центральных держав в годы Первой мировой войны».

больше и подробнее, и объем докладов постоянно увеличивался. Если первый состоял всего из двадцати четырех страниц, то доклад по результатам седьмой поездки осенью 1916 г. уже включал семьдесят четыре страницы текста, не считая приложений [4; 5].

Автор докладов, Жак Габриэль Ланглуа, был потомственным военным, артиллеристом, имевшим до войны опыт службы в строевых частях, однако выбран он был для миссий в России по другим причинам. Он хорошо владел русским языком, в 1908 г. после окончания Высшей военной школы проходил шестимесячную стажировку в России, после чего перешел на службу во французский Генеральный штаб. В 1914 г. Ланглуа уже возглавлял русский отдел 2-го (разведывательно-го) бюро Генерального штаба. Его личные качества также способствовали успеху миссий. Офицеры, под началом которых ему доводилось служить до войны, характеризовали Ланглуа как энергичного и умного офицера, обладавшего при этом открытым и легким характером [3]. Аналогичное мнение в своих мемуарах высказал российский военный агент в Париже граф А. А. Игнатьев. Характеризуя этого французского офицера, он писал, что Ланглуа «старался придать себе вид «рубахи-парня», чему немало помогало его отличное знание русского языка. Но под этой беззаботной внешностью скрывался тонкий наблюдатель и вдумчивый аналитик». Игнатьев считал, что «французы благодаря Ланглуа знали о России гораздо больше, чем русские знали о Франции» [1, с. 573–574]. Действительно, Ланглуа с самого начала работы в России не ограничивался лишь сбором и обобщением информации, каждый его отчет носил аналитический характер, а также содержал конкретные предложения относительно того, что стоило бы предпринять французскому правительству для достижения тех или иных целей в России.

Специфика осуществления контактов между Францией и Россией в период войны также способствовала тому, что доклады Ланглуа становились со временем все подробнее и включали в себя новые элементы. Уже с конца 1914 г., по понятным причинам, контакты по линии Военных миссий и Верховных командований России и Франции по интенсивности и спектру вопросов стали превосходить обычные контакты по дипломатическим каналам, несмотря на значительную интенсификацию последних. Ланглуа, оставаясь кадровым офицером, выполнял поручения не только французского военного командования. Одна из двух копий секретного доклада, подготовленного по результатам каждой поездки, направлялась Главнокомандующему французскими армиями, вторая – военному министру, а значит поступала в правительство. Есть упоминания о Ланглуа и в дневниковых записях президента Французской Республики Р. Пуанкаре. Так, 2 января 1916 г. Ланглуа явился к Пуанкаре с отчетом о результатах очередной поездки в Россию, причем, судя по тексту, они встречались уже не первый раз. Интересно, что в первую очередь Ланглуа поделился с Пуанкаре своим мнением о внутривосточной обстановке в России, и только потом разговор пошел о чисто военных делах [3, р. 5]. 16 марта того же года Ланглуа вновь был принят Пуанкаре, на этот раз – перед отъездом в Россию, очевидно для получения инструкций [3, р. 126]. На одном из экземпляров четвертого доклада Ланглуа стоит пометка о том, что его читал сам Главнокомандующий генерал Ж. Жоффр.

К концу 1915 г. сложилась устойчивая структура докладов. Каждый документ состоял из двух частей. Первая часть целиком посвящалась анализу состояния вооруженных сил и делилась на разделы, каждый из которых касался отдельного вопроса: положения в Верховном командовании, планов операций, состояния войск, наличия вооружений и военных материалов. Вторая часть состояла из разделов, освещавших вопросы «общего порядка»: положение в правительстве, экономический кризис, транспорт, общественное мнение, отношения с другими странами и т. д. Развитие ситуации в России периодически вносило некоторые изменения в тематику докладов. Например, с лета 1915 г., когда вследствие неудач на фронте в России резко ухудшилось отношение к союзникам, Ланглуа стал особое место уделять отношению в русском обществе к Франции и положению в России различных французских миссий [6]. С того же времени Ланглуа стал помещать в докладе информацию о военном производстве в России. Военные неудачи русской армии лета 1915 г. и в России, и во Франции связывались с недостатками в обеспечении русской армии вооружениями и боеприпасами. Для решения проблем со снабжением армии российское правительство стремилось получить от союзников, также испытывавших недостаток военных материалов, как можно больше. Французское правительство стремилось понять, что действительно срочно нужно России для решения самых насущных проблем со снабжением, и какие ее запросы можно пока оставить без ответа. Такого рода сведения, конечно же, предоставлялись российским правительством через своих представителей, но французы хотели иметь и альтернативный достоверный источник информации и аналитики. Недаром на титульном листе многих экземпляров докладов Ланглуа есть приписка: «Этот документ должен рассматриваться как весьма секретный и (его содержание – АП) не должно ни под каким предлогом быть передано, полностью или частично, ка-

кому-либо российскому представителю» [6]. Нередко оценки Ланглуа носили достаточно критический характер, и французы понимали, что российским коллегам это может не понравиться.

То, как Ланглуа собирал сведения в России, можно понять по содержащимся в некоторых отчетах подробных описаниях маршрутов его поездок с момента отъезда из Парижа и до возвращения обратно. Во время первого путешествия по пути в Петроград Ланглуа нанес визиты послам Франции в Лондоне, Христиании и Стокгольме. В Петрограде, где он пробыл шесть дней, Ланглуа встречался с министром иностранных дел России С. Д. Сазоновым, послом Великобритании Д. Бьюкененом и рядом офицеров Главного управления Генерального штаба. Затем Ланглуа посетил Ставку, где имел возможность побеседовать с целым рядом высших начальников русской армии, включая начальника штаба Верховного главнокомандующего генерала Н. Н. Янушкевича. Из Ставки он отправился за личными впечатлениями на несколько дней непосредственно на фронт в Польшу. На обратном пути в Ставке его принял сам Верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич. В Петрограде Ланглуа удалось пообщаться с послом Японии бароном И. Мотоно, а по пути в Париж снова посетить послов Франции в Стокгольме и Христиании [4].

Постепенно Ланглуа устанавливал все больше личных связей, которые в российских реалиях того времени часто значили больше, чем официальные контакты. Таким образом росли количество и спектр его источников информации. Иногда в докладах прямо упоминаются те, с кем Ланглуа приходилось беседовать и на чьем мнении он основывал свои выводы. Так, уже в докладе о второй поездке, совершенной в марте-апреле 1915 г., упомянут «член Сената Стахович» (вероятно, речь идет о члене Государственного Совета М. А. Стаховиче), с которым Ланглуа беседовал о настроениях в российском обществе [8]. Там же упомянуты встречи с командующими армиями Юго-Западного фронта генералами А. А. Брусиловым и Р. Д. Радко-Дмитриевым.

Увеличение количества и разнообразия французских военных миссий в России, начавшееся уже в конце 1914 г., предоставило Ланглуа возможность получать сведения не только от членов постоянных французских дипломатической и военной миссий, но и от множества других французов, с этого времени постоянно находившихся в России. Во втором докладе приведены весьма важные сведения о заказах российским правительством артиллерийских снарядов в России и за границей, полученные от руководителя прибывшей в Россию в начале 1915 г. французской военно-технической миссии майора Пио, который и впоследствии регулярно снабжал Ланглуа информацией подобного рода [8]. Вполне вероятно, что некоторые из постоянно находившихся в России французских военных готовили материал для докладов на постоянной основе.

Судя по всему, лично Ланглуа довольно успешно удалось преодолеть общее недоверие и недоброжелательность по отношению к союзникам, возникшие в России летом 1915, иначе вряд ли он смог получать подробную информацию о состоянии войск и наличии вооружений, о военном производстве, о состоянии экономики и другие секретные данные, которые Ланглуа приводил в своих докладах. Отдельный элемент докладов – приложения к ним. Среди них встречаются документы, еще лучше свидетельствующие о хороших связях Ланглуа в России. Например, одно из приложений к седьмому докладу содержит перевод секретного письма министра торговли и промышленности князя В. Н. Шаховского председателю Совета министров Б. В. Штюрмеру [5], а в следующем – перевод двух статей о визите в Россию французского генерала де Кастельно, которые российская цензура запретила опубликовать [2].

Материалы составленных Ланглуа докладов должны были восприниматься всерьез в правительстве и Верховном командовании Франции. Конечно же, из России поступало множество других документов самого разного вида и содержания, но по охвату тем, регулярности и оперативности их трудно сравнивать с докладами Ланглуа. Можно утверждать, что предоставленные им сведения, аналитика и предложения оказывали серьезное влияние на восприятие французским политическим и военным руководством ситуации в России в годы войны. Некоторые элементы описанных документов были использованы в исторических исследованиях, в том числе автором данной статьи, однако их потенциал как источника по истории франко-российских отношений еще далеко не исчерпан.

1. Игнатъев, А. А. Пятьдесят лет в строю / А. А. Игнатъев. – Москва : Воениздат, 1986. – 752 с.
2. Huitième rapport de mission du lieutenant-colonel Langlois. 19 Mars 1917 // SHD/DAT. 17 N 1547.
3. Poincaré, R. Au service de la France: neuf années de souvenirs. Tome VIII – Verdun (1916) / R. Poincaré. – Paris : Plon-Nourrit et Cie, 1931. – 355 p.
4. Rapport du commandant Langlois sur sa mission en Russie. Le 5 Février 1915. Service historique de la defense (SHD) / Departement de l'armee de terre (DAT). 17 N 1547.
5. Rapport du lieutenant-colonel Langlois sur sa septieme mission en Russie. Le 30 Octobre 1915 // SHD/DAT. 17 N 1547.
6. Jacques-Gabriel Langlois // SHD/Guerre (GR). 13 YD 86.
7. Rapport du commandant Langlois sur sa quatrième mission en Russie. 16 Septembre 1915 // SHD/DAT. 17 N 1547.
8. Rapport du commandant Langlois sur sa seconde en Russie. 10 Avril 1915 // SHD/DAT. 17 N 1547.